

Нов. Отеч. Моск. 1904г. 21. янв.

новост. № 7407

А. Д. Вяльцева и печать.

Лина Кавальери, сверкая декольтированными бриллиантами, вела шансонетки.

И когда она рискнула зайти в оперу, это было принято, как скандал. Как оскорбление, наносимое святому искусству.

Печать начала с негодующих протестов. И кончила восторженными похвалами.

Изящный талант заставлял забыть шансонетное прошлое.

Приблизительно то же повторится теперь на наших глазах.

Г-жа Вяльцева распевала романсы, стоящие по пряности любой французской шансонетки.

И когда она захотела быть Кармен и Далилой, это было принято, как скандал. Как оскорбление, наносимое святому искусству.

Скачок, которого никак нельзя-де простить.

Такой переход в оперу—прихоть избалованной женщины, которая думает, что ей все можно. Стоит захотеть...

Почему—не голос проснувшегося, почувствовавшего себя дарования?

И Вяльцеву, отрясающую прах прошлого, работающую над своим голосом, над развитием своей музыкальности, над облагораживанием своего дарования, которое всегда было,—приняли в штыки.

В отзывах некоторых московских газет об ее оперных дебютах, в граффин и Далиль, резко звучит злорадство.

Точно г-жа Вяльцева закреплена цыганскому романсу. И точно есть грех стремиться к лучшему, высшему, к благородному искусству.

Если-бы дебюты г-жи Вяльцевой обнаружили полную безнадежность и неизбежность остаться навсегда с «Захочу—полюблю, захочу—разлюблю» и «красными саножками»,—и тогда это стоило-бы только сострадания.

Но дебюты показали большой голос. Дебюты показали талантливость и работу

несомненная возможность оперного будущего. Есть надежда.

Голос Вяльцевой пока недостаточно обработан, звуки его не приобрели сочности. Манера петь, усвоенная за долгую карьеру исполнительницы романсов, кривика. Она дает себя знать. Не приобретена еще нужная привычка к сцене, к передаче роли.

Большую ошибку сделала дирекция театра. Вместо того, чтобы показать публике оперную Вяльцеву, как дебютантку, как новичка, она пустила ее, как гастролершу. И обставила гастроль таким рекламным шумом, назначив громадные цены на места, точно это был Тамань.

И это сразу необычайно повысило требования к начинающей певичке, лишь обещающей хорошую артистическую величину в будущем. Сочувствие, которого заслуживает попытка уйти от старого, низкопробного жанра, сменилось во многих недоброжелательством и злорадством. И печать, или часть ее, относилась к Вяльцевой, как влая мачеха, которая ничего знать не хочет, ничего не прощает и за все выискивает с падчерицы с усиленной строгостью. Даже за несуществующие провинности. Только за то, что она—падчерица...

Не только в сказках торжествуют падчерицы, и Сандрильона превращается в принцессу.

И, может быть, история Кавальери повторится для Вяльцевой и во второй, отрадной своей части.